

усердием и благонамеренностью литературных маклеров, затмевали наше дружеское расположение, но они исчезали при первом свидании. Сперва коротенькое объяснение, потом с каждой стороны по две, по три эпиграммы, а там дружеский громкий хохот, пожатие руки, и все кончено. Век не забуду я того, что Пушкин на одре страданий, в предсмертных муках вспомнил о несчастьи, которое меня тогда постигло, и послал ко мне вздох искреннего сожаления²⁶. И я стану помрачать память его нелепою, оскорбительною лестью, унижать его талант мыслию, будто здоровое, справедливое, строгое суждение о его творениях может затмить его славу! Нет, почту в нем великого поэта самым приятным приношением — правдою, высказанною из глубины души, и заключу выражением общей горести всех русских, что отечество лишилось его так рано!

Четырнадцатое чтение
(22-го марта)

<...> Повести являются у нас в невероятном числе. Укажем на лучшие. Пушкин издал несколько повестей, под заглавием «Повести Белкина». Они были очень посредственны, слабы вымыслом, не вполне развиты и написаны небрежно. Критика полагала, что он не в состоянии написать в этом роде ничего хорошего, но он вскоре доказал, что она в этом случае ошиблась. Его «Пиковая дама» и «Капитанская дочка» занимают первые места в ряду повестей русских. Особенно изобилует неподдельными красотоми «Капитанская дочка», в которой Пушкин с удивительным искусством умел схватить и выразить характер и тон середины XVIII века. <...>

ИЗ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ТОМЫ IX, X и XI

С.-Петербург. В типографии И. Глазунова и К. 1841 г.
480, 308 и 353 стр. in 8°

Наконец мы имеем полное собрание произведений Пушкина, за исключением только нескольких мелких лирических пьес, немногих критических журнальных статей; но все это, вероятно, будет издано, кроме материалов, собранных поэтом для «Истории Петра Великого», состоящих в одних выписках из Голикова¹. Теперь, кажется, наступила пора отдать Пушкину то место в нашей литературе, до которого не все охотно его допускали; пора прекратить спор, еще при жизни поэта заведенный мелочным самолюбием, упорным староверским уважением к прежним нашим писателям и близоруким несознанием великого таланта в творце «Онегина». Слава Богу, голоса, когда-то буйно, и громко, и враждебно раздававшиеся против Пушкина, ныне мало-помалу умолкают в общем хвалебном ему клике. Людям, не отказывавшим в высоком поэтическом достоинстве Ломоносову, Хераскову, Дмитриеву, было как-то тяжело утвердить это достоинство за Пушкиным. Его называли безнравственным, потому что в его созданиях действуют не

классические герои и не резонеры, а просто люди, исполненные страстями; другие говорили, что вся заслуга нашего поэта состоит в легкой версификации, стало быть, равняли его с Подолинским и многими другими, которые также обладали этим достоинством. Даже усердные обожатели Пушкина считали его не более как поэтом выражения. Неужели это справедливо?

Но кто из всех русских поэтов в такой широкой раме, с большею полнотою и истиною выразил жизнь и судьбу человечества вообще и народа русского в особенности? Наша русская жизнь, а следственно, и литература образовалась из влияния двух элементов: европейского и своего отечественного, и никто, кроме Пушкина, не умел так тесно и благотворно сплавить в душе своей обе эти стихии. Дух его глубоко изучил эту длинную гамму жизни — от спальни мадритской певицы² или салона, где Татьяна

в малиновом берете
С послем испанским говорит,³

до дымной, освещенной лучиною хаты мужика⁴ и убогой черкесской сакли⁵. Кто у нас, не теряя своей самобытности, с такою восприимчивостию успел в своих творениях усвоить себе идеи исполинов европейской поэзии — Гёте и Байрона, Данте и Шекспира и древних греков? Также Пушкин, — вспомните его сцену из «Фауста» или «Цыган», подражания Данте или «Анжело», «Каменного гостя» и антологические стихотворения. Эту гибкую восприимчивость видим мы и в Жуковском, но он чужие, готовые идеи только переплавлял в прекрасные формы языка русского; а Пушкин, глубоко проникнутый духом великих писателей, как бы дополнял их своими творениями, которые ему самому принадлежали. Так, оригинально перенося в русскую литературу поэтические создания древней и новой Европы, он счастливей всех своих предшественников и современников опозитизировал и мир славянский; воскресил нашу историческую старину в «Борисе Годунове», и мирный быт славян северных в своих сказках, и потрясаемую беспрестанными воинскими тревогами жизнь славян западных. И какая пленительная свежесть, какое чудное разнообразие красок, всегда сообразных с теми предметами, которые он облакал ими! Какие неуловимые переливы тонов, то беспечно веселых, как жизнь молодого повесы, то звучно торжественных, как гром русского оружия, то задумчиво унылых, как мечты страстной девы, то диких и грубых, как песнь земледельца. Облекая в поэтические формы жизнь во всем ее разнообразии, Пушкин был не менее разнообразен и в самых этих формах: колкая эпиграмма, исполненная глубоко страстного чувства элегия, благородный романс испанский, грациозное антологическое стихотворение, безыскусственная русская сказка, удалая песнь вакхическая, остроумное послание, байроновская поэма, историческая драма, фантастическая повесть, роман исторический, наконец, самая история — и во всем этом он является великим мастером своего дела. Сумароков был также разнообразен в своих произведениях, но это было следствием его холодного, враждебного истинному искусству намерения насильственно и безвременно навязать русской литературе формы, которых ей еще недоставало. Пушкин со всею силою своего духа увлекался всеми прекрасными явлениями жизни, природы и искусства и переселялся в тот мир, из которого почерпал свои глубокие и пламенные

вдохновения. Вот отчего все его произведения запечатлены тою искренностью и естественностью, которые служат главнейшим условием красоты и истины в поэзии. Вот почему в нем не видно того усилия, которое иногда изумляет нас яркостью красок и неожиданною странностью форм, но почти всегда противоборствует здравому смыслу и мучительно тяготит сердце, еще не развращенное немощно-чудовищными созданиями заблудшей фантазии. Читая произведения Пушкина, мы не можем не изумляться легкости, с какою они написаны: кажется, искусство было его природою; кажется, ему так же легко, так же необходимо было писать, как дышать. Говорить ли еще, как художнически округлены и окончены почти все творения, как звучит и блестит у него русский стих, которому он придал новую силу и гармонию, как в мощных руках его, подобно воску, гнется русский язык, которого дотоле неразгадаемые тайны он постиг с пронизательностью ученого филолога и воспользовался ими с силою великого поэта.

Мудрено ли, что, обладая такими средствами, Пушкин успел в русской публике возбудить такой энтузиазм, какого не производил ни один из наших писателей. Вспомните, с каким восторгом юное поколение приветствовало первоначальные напевы его юношеской лиры, с каким искренним сочувствием оно, само с ним мужая, рукоплескало его дальнейшим трудам, с какою глубокою скорбью сопровождало его в раннюю могилу. Державин, Крылов, Жуковский, невзирая на великие свои заслуги, не произвели и не могли произвести на нас впечатления столь общего и глубокого. Певец «Фелицы», достойно возвеличенный в свое время, развил свое прекрасное дарование в одной лирике и не пошел далее — для собственной его славы мы умолчим о его драматических опытах⁶. Крылов, по преобладающему в нем в высшей степени чувству народности более доступный русскому сердцу, не мог в тесной области басни охватить всю полноту русской жизни. Жуковский, пленивший нас очаровательным унынием своей неземной поэзии и сладостною гармониею стихов, по своему германскому, мистическому, направлению не мог возбудить слишком теплого сочувствия в русском народе, воображение которого не любит блуждать в туманной области фантастических видений и более пригвождено к существенному, к земному. Пушкин в одном себе соединял всех этих трех поэтов: в нем есть и возвышенное чувство державинское, хотя проявляющееся не в столь величественных образах, но облеченное в более стройные и красивые формы; в нем билось и это истинно русское сердце Крылова, но жившее более полною и разнообразною жизнью; вместе с Жуковским он на своей русской лире переигрывал песни певцов иноземных, но сохраняя свою оригинальность. В произведениях Пушкина есть и тоска, неразлучная спутница современной музыки; но это не мягкое, девическое уныние певца «Ундины»⁷; это более скорбь мужа, тяжко оскорбленного разрушением лучших, светлых надежд своих, скорбь, иногда изливающаяся в звуках грустных, меланхолических, но более мстящая за себя меткой эпиграммой или резкою, благородною сатирой, подавляемая (что особенно любо русскому человеку) веселыми напевами разгульной песни или торжественными, сурово-угрюмыми, дифирамбическими звуками, выражающими сознание сил души, готовой на битву с судьбою и с собственным своим отчаянием.

И каких еще вдохновений ожидала эта мощная, исполненная прекрасной жизни душа!.. Но «Бог судил иное!»⁸... С чувством глубокой грусти пе-

релистываем мы три ныне изданные томы сочинений Пушкина. Вот неоконченная повесть, вот недописанное стихотворение, едва начатая поэма, вот последние предсмертные его пьесы, и, кажется, на них замерла охолодевшая рука поэта...

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь.⁹

Вы читаете, и в ваших ушах раздается скорбно пророческий голос Пушкина, который на последней, может быть, для себя «Лицейской годовщине», поминая почивших друзей своих, восклицал:

И мнится очередь за мной..
Зовет меня мой Дельвиг милый!¹⁰

...Почти все прозаические статьи и весьма многие стихотворения, помещенные в этих томах, уже были напечатаны в «Современнике», частью в «Литературной газете», издаваемой покойным Дельвигом, и в «Отечественных записках»¹¹. В <IX> томе¹², по странному случаю, и отроческие, лицейские произведения Пушкина, и последние превосходные его создания. Созерцательный ум критика здесь легко может провести параллель между талантом, едва расцветающим и достигшим полного своего развития. В начале этого тома помещены четыре большие пьесы Пушкина: «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка» и «Галуб»¹³, последние две не кончены. Главное действующее лицо в «Медном всаднике», бедный чиновник Евгений, составляет резкую противоположность со своим соименником, Онегиным, а между тем может идти вровень к мастерски обрисованному портрету последнего. Один бедняк, забытый счастьем, но с сердцем теплым, бьющимся только для своей Параши, и теряющий ее, единственное свое благо, в день всеобщего бедствия; другой, взысканный всеми дарами счастья, но не умевший ими воспользоваться, потому что слишком рано отжил жизнью сердца, и в самом себе встретивший казнь за свое бессердие. Герой «Медного всадника» почти заслонен поставленною вокруг него огромною декорациею, представляющею картину наводнения и среди него колоссальное изваяние Петра Великого. Эта картина начертана истинно художнической кистью¹⁴. Небольшую драму «Каменный гость» сам Шекспир не поколебался бы назвать своею. Как превосходно в столь тесной раме представлен здесь Дон Жуан, который, кажется, весь с головы до ног был обрисован многими поэтами, избиравшими тот же самый предмет для своих созданий; но Пушкин умел найти в этом типическом лице новые черты, еще выпуклее выставляющие его характер. И как очаровательна эта Лаура, настоящая испанская прелестница, пылкая и легкомысленная, игривая и бешеная, с сердцем, полным любви, и челом, заклеянным печатью разврата. Как искусно ведена последняя сцена Дон Жуана с Донной Анною, напоминающая подобную же сцену в Шекспировом «Ричарде III», и как поразительно она окончена¹⁵.

До самого Пушкина наши поэты не оживляли созданий русской народной фантазии или представляли их в искаженных образах. Наши древние предания, наши сказки таились только между простонародьем и, следовательно, не были достоянием литературы, которая стыдилась и робела променять сатира на лешего или Эвмениду¹⁶ на ведьму. Эти фантастические существа издали мелькали перед нашим воображением в неясных очерках, мы, беспрестанно обращая взоры на Европу, редко на них оглядывались, но подчас, желая блеснуть новизною и народностию, вызывали их из мира, для нас мало знакомого. Не взглядевшись пристально в русалку, мы к ее недорисованному для нас образу придавали черты, более свойственные немецкой Ундине¹⁷ или древней Наяде¹⁸; иногда на широкие плечи русского витязя мы накидывали плащ испанского рыцаря. Пушкин глубже всех других наших писателей проник во мрак, застилавший русскую старину, и теснее всех с нею сблизился. Здесь предстоял ему подвиг трудный и смелый, тем более что он почти первый на него решился. Он должен был обделять, так сказать, материалы сырые и слишком скудные, чтобы построить из них какое-либо здание, создавать лица и характеры из неопределенных очерков, воплощать тени давно забытые и рассеянные. Только с его переимчивым воображением, только с его сердцем, полным сочувствия ко всему русскому, можно было предпринять это дело, и он бы его, вероятно, совершенно докончил, если бы прожил несколько лет долее. Он без хвастовства мог сказать:

Там русский дух... Там Русью пахнет;
И там я был...¹⁹

И точно, он был там, в этом русском мире, вынес оттуда истинно русскую сказку, из похищенных у этого мира элементов начал создавать русскую фантастическую драму — и не докончил. Сколько бы, судя по началу, прекрасных сцен вылилось из-под пера поэта в этой «Русалке», содержание которой Пушкин, вероятно, почерпнул из переведенной им же сербской песни «Яниш Королевич»²⁰. Как хорош, как оригинален этот мельник, корыстолюбивый просяк и отец снисходительный, какой пыл страсти дышит в каждом слове его дочери! Вся драма проникнута духом русской старины; вы видите истинно русских людей, но без той грязной тривияльности, без которой, кажется, не может их нам представить большая часть наших романистов²¹.

Поэма «Галуб» едва только начата, но в ней уже резко обозначается суровая, энергическая физиономия чеченца, именем которого названо это произведение²².

В этом же томе помещены две новые сцены из «Бориса Годунова», строфы из «Онегина», начатки поэм, сказка о купце Кузьме Остолопе²³ и разные мелкие стихотворения, но вошедшие в прежние восемь томов. Многие из этих пьес отличаются или глубиной заключающейся в них мысли, или полнотою и искренностию разлитого в них чувства, все красуются прелестью выражения. Выписываем одну из них, замечательную по своей оригинальности:

Не дай мне Бог сойти с ума;

Нет, легче посох и сума,
 Нет, легче труд и глад.
 Не то чтоб разумом моим
 Я дорожил; не то чтоб с ним
 Расстаться был не рад.
 Когда б оставили меня
 На воле, как бы резво я
 Пустился в темный лес!
 Я пел бы в пламенном бреду,
 Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.
 Силен и волен был бы я,
 Как вихорь, роющий поля,
 Ломающий леса.
 И я б заслушивался волн,
 И я глядел бы, счастья полн,
 В пустые небеса.
 Да вот беда: сойди с ума,
 И страшен будешь, как чума;
 Как раз тебя запрут,
 Посадят на цепь дурака
 И сквозь решетку, как зверка,
 Дразнить тебя придут.
 А ночью слушать буду я
 Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой лесов;
 А крик товарищей моих,
 Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.²⁴

Сказка о купце Кузьме Остолопе доказывает, как сильно было в Пушкине желание оживить нашу народную поэзию и как мастерски он умел подладиться под ее полудикие тоны. Она написана рифмованными стихами, без всякого размера, точно как, например, сказки в «Старичке Весельчаке»²⁵, но относится к ним, как создание искусства к грубым произведениям природы.

Во многих лицейских стихотворениях уже предзнаменуется будущий великий художник. Резец юноши иногда скользит по упорному мрамору, но иногда проводит по нем черты смелые и сильные. Еще на ученической скамье, сознавая свое высокое предназначение, юный поэт говорит в послании к Жуковскому:

Благослови, поэт! в тиши парнасской сени
 Я с треном склонил пред музами колени,
 Опасною тропой с надеждой полетел,
 Мне жребий вынул Феб – и лира мой удел.
 Страхусь, неопытный, бесславного паренья,
 Но пылкого смирить не в силах я влеченья.²⁶

В самой ранней юности, когда обыкновенно тревожная фантазия торопливо мечется от одного видения к другому, Пушкин с наблюдательностью спокойной возмужалости анализирует предметы своих вдохновений —

Случалось ли ненастной вам порой
 Дня зимнего при позднем, тихом свете
 Сидеть одним без свечки в кабинете:
 Все тихо вокруг: березы больше нет (?);
 Час от часу темнеет окон свет;
 На потолке какой-то призрак бродит;
 Бледнеет уж — и синеватый дым,
 Как легкий пар, в трубу внясь, уходит;
 И вот, жезлом невидимым своим,
 Морфей на все певственный сон наводит.
 Темнеет взор; Кандид из ваших рук,
 Закрывшись, упал в колени вдруг;
 Вздохнули вы; рука на стол валится,
 И голова с плеча на грудь катится...²⁷

Большая часть этих стихотворений посвящена прославлению Вакха и Киприды.

В X томе содержатся пять больших прозаических пьес. Верность в описании нравов и исторических подробностей, резкое очертание характеров, постепенно возрастающая занимательность рассказа — вот черты, отличающие повесть «Арап Петра Великого», которая, к сожалению, не кончена. Другая (вполне конченная) повесть «Дубровский» в истинном свете изображает быт наших богатых помещиков — седых вельмож Екатерининского века. Троекуров — это настоящий русский барин XVIII столетия, гордый, упрямый, своенравный, блистающий роскошью из тщеславия, презирующий всех, кто ниже его по чину и богатству. Но молодой Дубровский кажется нам лицом не русской природы. Это какая-то смесь Фрадиаволо²⁸ и Карла Моора²⁹ — русский офицер, который из мщения и ненависти делается атаманом разбойников, потом под личиною гувернера француза скрывается в доме Троекурова, смертельного врага своего; ловкий и хитрый удалец, который, будучи преследуем полициею, в этом самом доме без важной побудительной причины грабит ночью одного гостя и открывает ему свое имя, в одно время проказничает на больших дорогах и заводит интригу с дочерью Троекурова, — все это не весьма естественно, в радклифском³⁰, а не в пушкинском духе. Впрочем, при прелести рассказа не весьма правдоподобное содержание этой повести занимательно в высшей степени.

«Летопись села Горохина»³¹ представляет чрезвычайно верную картину нашего сельского быта; в нашей литературе не много прозаических рассказов, отличающихся столь оригинальным, простодушно-остроумным изложением³². Судя по началу повести «Египетские ночи», можно предполагать, что это было бы превосходное произведение³³. С какою выразительностью уже на немногих страницах обрисованы физиогномии русского поэта и итальянского импровизатора. «Сцены из рыцарских времен» самая слабая пьеса в этом томе: это какие-то не довольно ясные, слегка набросанные очерки³⁴. Пушкину, кажется, хотелось написать нечто в роде «Геца фон Берлингена»³⁵, но на этот раз он далеко отстал от своего образца.

XI том весь почти составлен из мелких статей: журнальных и критических заметок, кратких биографических очерков, едва начатых повестей, исторических анекдотов и отрывков из собственных записок автора, драгоценных как материал для будущей его биографии. В высшей степени любопытны рассеянные в этом томе суждения Пушкина о разных современных литературных явлениях и о некоторых наших писателях.

Эти три тома изданы гораздо опрятнее девяти прежних, но, к сожалению, в них очень нередко попадаются пропуски и опечатки³⁶.

С. П. ШЕВЫРЕВ

«СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ТОМЫ IX, X и XI

С.-Петербург. 1841. IX (IV. 480 стран<иц>),
X (380 <страниц>), XI (353 стран<ицы>). Изданием Ильи Глазунова,
Матвея Заикина и К*. В Типографии Глазунова и К*.

Три последние тома Сочинений Пушкина наконец явились в свет. Кто, любя искренно русскую поэзию, не бросится на них со всею жадностью раздраженного ожидания? Это ведь последнее, что нам и всей России осталось от нашего незабвенного художника, которого мы так одновременно, так ужасно потеряли.

Читая их, мы как будто вступаем в богатую, в разнообразную мастерскую ваятеля, который, в самом разгаре своей художественной деятельности, был застигнут смертью и насильственно покинул резец неутомимый. Его уже нет, но дух его и рука невидимо присутствуют повсюду. Там из дикой груды чудного мрамора начинают выходить стройные группы; великие мысли в них разоблачаются, но смерть внезапно сковывает движение массы; здесь несколько разнообразных эскизов набросано торопливою рукою уверенного в силах своих художника; там, над туловищем нетронутого мрамора, поднялась прелесть-голова, и ниже мрамор начинал уже волноваться, и грудь начинала дышать под наитием вдохновенного резца, и все прервано неожиданным холодом смерти; кой-где профили, части тела, счастливые удары руки, намекавшие что-то; и все или не довершено, или не dokonчено! Вы не можете довольно налюбоваться чудными формами; вы удивляетесь той власти, с какою художник, в полной поре развития, покорял упорный мрамор волшебному резцу своему; глубокие думы осаждают вас при виде сих неоконченных произведений — и вы, насладившись тем, что в них довершено, хотите смелою мыслию отгадать, что бы еще было?.. Куда бы понеслась далее фантазия художника? Всюду, с полным наслаждением изящного, сливается тяжелое чувство грусти о том, сколько утрат понесено искусством! скольких надежд мы лишились! А когда вспомнишь, что этот художник был первый поэт русский, гениально отгадавший тайну нашей народной поэзии; что его мастерская была наша русская жизнь, в которой он наиболее черпал свои вдохновения; что этот чудный мрамор, покорявшийся меткой руке его,

⁷ Далее полностью приводится «Черкесская песня» из поэмы «Кавказский пленник».

⁸ Далее целиком приводится песня из поэмы «Полтава».

⁹ Далее полностью приводится стихотворение «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...», 1825).

¹⁰ С элегии «Сельское кладбище» (1802), перевода «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», 1751) Т. Грея (Gray; 1716–1771), началась широкая поэтическая известность В. А. Жуковского.

¹¹ Далее приводится полностью вступление к поэме «Руслан и Людмила», прибавленное Пушкиным к тексту поэмы при втором ее издании в 1828 г. Заканчивается цитата двумя первыми стихами первой песни: «Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой».

¹² Цитата из первой главы «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года».

¹³ Л.-Ж.-М. Дагерр (Daguerre; 1787–1851), один из создателей фотографии, в 1839 г. представивший Французской Академии проект производства дагерротипа, с конца 1810-х гг. был самым знаменитым театральным художником Парижа; его декорации, в которых, в частности, применялась изобретенная им диорама, создавали иллюзию полной реальности.

¹⁴ Далее следует цитата из поэмы «Бахчисарайский фонтан» до стиха: «Одно божественное чувство...».

¹⁵ *Хитана* (гитана) — испанская цыганка.

¹⁶ Цитируется текст поэмы до стиха: «Убогий ужин старика».

¹⁷ Цитируется текст поэмы до стиха: «Так чуждо этой жизни праздной».

¹⁸ Песня цитируется полностью.

¹⁹ Цитируется текст поэмы до стиха: «Цыгана дикого рассказ».

²⁰ Цитируется текст поэмы до заключительного стиха эпилога.

²¹ Цитируется текст поэмы до стиха: «И тело в землю схоронил...».

²² Цитируется (с изменением слова «моих» на «его») Посвящение Пушкина к «Евгению Онегину».

²³ Под псевдонимом «Казак Луганский» публиковал свои повести и рассказы В. И. Даль. С 1833 г. выходило четырехтомное издание «Былей и небылиц Казака Луганского» (СПб., 1833–1839).

²⁴ «*Илья Муромец*» — «богатырская сказка» Н. М. Карамзина (1794).

²⁵ *Сеид* — в странах Ближнего и Среднего Востока почетный титул мусульманина, претендующего на происхождение от Магомета; в переносном смысле — благородный человек, защитник справедливости.

²⁶ Пушкин передал свои соболезнования Н. И. Гречу по случаю смерти его сына (см. в статье В. А. Жуковского «Последние минуты Пушкина» — наст. изд., с. 226).

ИЗ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

«СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». ТОМЫ IX, X и XI

СПбВед. 1841. № 259, 13 ноября; № 260, 14 ноября. Подпись:ъь

Автором рецензии мог быть редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1836 по 1862 г.) Амплий Николаевич Очкин (1791–1865), журналист и переводчик (в 1820-е и 1830-е гг. активно сотрудничал в «Северной пчеле», «Северном архиве», «Библиотеке для чтения»), издатель журнала «Детская библиотека» (с 1835 по 1838 г.), цензор; был знаком с Пушкиным (подробнее о нем см.: Черейский. С. 316; Русские писатели. Т. 4. С. 476–478, статья А. А. Ильина-Томича). Очкин указан как автор статьи (без аргументации этого предположения) А. Л. Осповатом и Р. Д. Тименчиком (см.: *Остоват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...». М., 1985. С. 83). В. Г. Маранцман также без аргументации атрибутировал статью М. П. Сорокину (см.: *Маранцман В. Г.* Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении. Л., 1974. С. 5). Статья посвящена трем последним (IX, X и XI) томам Посмертного собрания сочинений Пушкина, вышедшим в 1841 г. (об этом собрании сочинений подробнее см. примеч. 1 к статье Жуковского «Последние минуты Пушкина» — наст. изд., с. 524).

¹ После гибели Пушкина Жуковский предпринял попытку опубликовать в Посмертном собрании сочинений подготовительные материалы для «Истории Петра Первого», над которыми поэт работал в 1833–1836 гг., делая, в частности, пространные выписки из книги И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России; собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (М., 1788–1789. Ч. 1–12). 5 апреля 1837 г. Жуковский обратился к Николаю I: «Основываясь на том, что я имел счастье лично слышать от Вашего Императорского Величества, я уведомил министра народного просвещения, что Ваше Величество на счет издания сочинений Пушкина соизволили изъявить мне следующее: „сочинения уже напечатанные пропустить, не подвергая их новому разбору; сочинения еще не напечатанные отослать в цензуру для разбора по установленному порядку; все рукописи, касающиеся до истории Петра Великого, предварительно представить Вашему Императорскому Величеству“» (Совр. 1913. № 9. С. 326). На письме имеется собственноручная резолюция императора: «Нет затруднений». Однако Николай I, ознакомившись с рукописью «Истории Петра», посчитал невозможной ее публикацию «по причине многих неприличных выражений» в адрес Петра Великого. В феврале 1840 г. Жуковский еще раз попытался получить разрешение на включение материалов в заключительные тома Посмертного собрания: «Сочинения Пушкина, оставшиеся по смерти его, собраны и скоро будут приготовлены к изданию в свет. В числе их находится рукопись, содержащая материалы для истории Петра Великого, которые я уже имел счастье представлять на рассмотрение Вашего Императорского Величества. Тогда Вы соизволили заметить, что сия рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого. Теперь манускрипт пересмотрен со вниманием, и все замеченное или выброшено, или исправлено. — Испрашиваю всеподданнейше позволения у Вашего Императорского Величества напечатать сию рукопись; ибо исключением оной из сочинений Пушкина прибыль от издания в пользу его детей может уменьшиться 25 000 р<ублей>. Всеподданнейше испрашиваю также у Вашего Императорского Величества разрешения и о том, чтобы все собрание сочинений представить на рассмотрение в обыкновенную цензуру, как то было уже со многими сочинениями того же автора, напечатанными после его смерти» (Незеленов А. И. Шесть статей о Пушкине. СПб., 1892. С. 94). Согласие Николая I было получено, но после вмешательства цензуры, предложившей сделать большие купюры и изменения в рукописи, издатели отказались от ее публикации в Посмертном собрании сочинений. Через год материалы по «Истории Петра» были переданы вдове Пушкина: «Хотя г. опекун В. А. Жуковский передал опекунству сему оставшийся по смерти А. С. Пушкина оригинал ненапечатанных сочинений его под заглавием: „Материалы для истории Петра Великого“ в шести частях, но опекунство сие, при всем старании своем, не могло продать книгопродавцам рукописи сей для издания оной в свет и не имеет надежды в скором времени продать оной, то равно полагают сдать упомянутую рукопись под роспись вдове Н. Н. Пушкиной на сохранение оной, с тем, что буде со временем представлять желающие на покупку оной, то вдова та испросила бы на то разрешение по принадлежности» (Журнал заседания опекунства над малолетними детьми и имуществом А. С. Пушкина от 16 февраля 1841 г. — Архив Опекы Пушкина. М., 1939. С. 403 (Летопись гос. литературного музея. Кн. 5)). Впервые подготовительные пушкинские материалы для «Истории Петра I» были напечатаны полностью в десятом томе Большого академического собрания сочинений А. С. Пушкина ([М.; Л.], 1938); историю публикации отдельных записей см.: Там же. С. 481–486.

² Имеется в виду встреча Дон Гуана и Донны Анны, происходящая в ее комнате («Каменный гость», сц. IV).

³ Цитируется строфа XVII восьмой главы «Евгения Онегина».

⁴ Речь идет о пушкинском стихотворении «Утопленник» (1828):

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика.

⁵ Имеется в виду поэма «Кавказский пленник», действие которой разворачивается в черкесском ауле.

⁶ «Фелица» (1782) — ода Г. Р. Державина. Драматические опыты Державина («театральное представление с музыкою» «Добрыня» (1804), «героическое представление с хорами и речитативами» «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), трагедии «Ирод и Мариамна» (1807), «Евпраксия» и «Темный» (обе — 1808) и др.), которыми он увлекся в последние годы жизни, воспринимались современниками как неудача.

⁷ «Ундина» В. А. Жуковского (отд. изд.: СПб., 1837) — стихотворное переложение одноименной романтической прозаической повести («Undine», 1811) немецкого писателя Фридриха Хайнриха Карла де ла Мотт барона Фуке (Fouqué; 1777–1843).

⁸ Слова Пимена из «Бориса Годунова» (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

⁹ Цитата из строфы XXXII шестой главы «Евгения Онегина».

¹⁰ Строки из неопубликованного при жизни Пушкина стихотворения «Чем чаще празднует Лицей...» (напечатано в девятом томе Посмертного собрания (с. 158), под заглавием: «Лицейская годовщина»).

¹¹ Состав Посмертного собрания сочинений Пушкина был определен Опекой и Жуковским не сразу, а окончательное решение издавать последние три тома, в основном включающие неопубликованные при жизни поэта сочинения, возникло уже в процессе работы над изданием. Многие пушкинские произведения, неопубликованные при жизни и оставшиеся в рукописи, появились в печати до выхода заключительных томов Посмертного собрания сочинений. В 1837–1838 гг. в «Современнике» (т. 5–12) были напечатаны «Медный всадник», «<Арап Петра Великого>», «<Сцены из рыцарских времен>», «<Русалка>», «Египетские ночи», «Кто знает край, где небо блещет...», сцены из первой редакции «Бориса Годунова», черновые строфы «Евгения Онегина» и др., в 1839–1841 гг. в «Отечественных записках» опубликованы стихотворения «В альбом» («Долго сих листов заветных...»), «В альбом А. О. Смирновой» («В тревоге пестрой и бесплодной...»), «Три ключа» («В степи мирской, печальной и безбрежной...») и др., ряд автобиографических и критических заметок были напечатаны в «Сыне отечества» в 1840 г.; в «Москвитянине» в 1841 г. появились стихотворения «Как быстро в поле вокруг открытом...» и «К Щербинину» («Житье тому, лобезный друг...») (подробнее см.: *Богачевская К. П.* Пушкин в печати за сто лет (1837–1937). М., 1938. С. 11–26).

¹² В статье ошибочно: в IV.

¹³ См. примеч. 13 к статье В. Г. Белинского «Начиная четвертый год своего существования, „Московский наблюдатель“...» — наст. изд., с. 541.

¹⁴ О «Медном всаднике», впервые опубликованном в «Современнике» (1837. Т. 5. С. 1–20), см. отзывы С. П. Шевырева (МН. 1837. Ч. 12. Июнь, кн. 1. С. 316–317; наст. изд., с. 243; Москв. 1841. Ч. 5. № 9. С. 244–245; наст. изд., с. 338) и В. Г. Белинского (МН. 1838. Ч. 16. Март, кн. 1. С. 150; наст. изд., с. 248).

¹⁵ Объяснения Дон Гуана и Доны Анны в сценах III и IV «Каменного гостя» имеют несомненное сходство с диалогом между Глостером (Ричардом III) и леди Анной, вдовой Эдуарда, принца Валлийского, во второй сцене первого акта «Ричарда III» («Richard III», ок. 1591). Об этом же писал Шевырев в рецензии на Посмертное собрание сочинений (см.: Москв. 1841. Ч. 5. № 9. С. 246; наст. изд., с. 339).

¹⁶ *Эмениды* (то же: Эринии) — в древнегреческой мифологии богини, мстящие за преступление, совершенное против законов матриархата. Согласно мифу, Эринии («гневные») преследуют Ореста, убившего свою мать Клитемнестру, но затем, примирясь с нормами отцовского права, становятся Эвменидами («благожелательными») и берут под свою защиту Аттику.

¹⁷ *Ундины* (от лат. unda — волна) — в скандинавской и немецкой мифологии женские духи воды, обитательницы ручьев, рек и озер.

¹⁸ *Наяды* — в греческой мифологии дочери Зевса; были нимфами водной стихии и родственны nereидам.

¹⁹ Цитата из вступления к поэме «Руслан и Людмила» (1820).

²⁰ «Яныш Королевич» — одна из переведенных Пушкиным сербских песен, входящих в цикл «Песни западных славян» (1833–1834).

²¹ Шевырев называл «<Русалку>» «народной драмой» (Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 245; наст. изд., с. 340); см. также отзыв Белинского (МН. 1838. Ч. 16. Март, кн. 1. С. 151; наст. изд., с. 249).

²² Ср. мнение Шевырева: «„Галуб“, если б был окончен, верною задуманного на месте характера стал бы выше „Кавказского пленника“...» (Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 248; наст. изд., с. 341).

²³ Имеется в виду пушкинская «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), напечатанная впервые в «Сыне отечества» (1840. Т. 2, № 3. С. 5–10). По цензурным требованиям подверглась существенным искажениям: «поп» был обращен в «купца Кузьму Остолопа», ряд стихов переделаны, а сама сказка получила иное заглавие: «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде».

²⁴ Стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833) впервые опубликовано в Посмертном собрании сочинений (Т. 9. 129–130).

²⁵ К XVIII в. относятся некоторые стихотворные сочинения забавного содержания и сборники анекдотов типа «Смехотворных повестей». В простонародную книжку «Старичок Весельчак» (СПб., 1789) вошли заимствованные из этих сборников истории, рассказывающие давние московские были и польские диковинки.

²⁶ Цитируются строки из лицейского стихотворения «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...», 1816), которое было впервые напечатано вместе со стихотворением «Кто из богов мне возвратил...» (1835; под заглавием: «Гораций») в «Сыне отечества» (1840. Т. 2, № 4. С. 245–251). Эту публикацию сопровождало подстрочное примечание редактора журнала А. В. Никитенко, ошибочно отнесшего второе пушкинское стихотворение к лицейскому периоду его творчества: «Предлагаемые публике два стихотворения А. С. Пушкина принадлежат к его лицейским опытам; они, вместе с прочими творениями, собранными после его смерти, приготовлены уже к изданию и составят несколько томов. Само собою разумеется, что эти опыты не выражают поэтической физиогномии Пушкина, с какою он является теперь перед нами и какую сохранит навсегда в истории нашей литературы. Но для сей последней неоцененны первые творческие порывы такого таланта, каков Пушкина. Сравнивая с ними его последующие создания, мы видим, какие принес он жертвы жизни и искусству, что уцелело в нем, как основное начало его природы, и что исчезло вместе с мечтами и верованиями юности. В первых произведениях Пушкина видны уже признаки того направления, которое после сделалось господствующим в его поэзии и образовало у нас новую, особенную школу: это самобытный, хотя и не глубокий взгляд на природу и жизнь, творчество, почерпающее стихи для своих идеалов из самой действительности, а не из произвольных о ней понятий, шествующее к своей цели путем аналитическим, а не синтетическим. Ни в одном из лицейских его стихотворений, которых большая часть нам известна, вы не найдете стремления перелететь через существующий порядок вещей в безвестную, бесконечную даль и строить там свой порядок вещей; основные идеи поэт почерпает везде из окружающих его явлений; он метким взглядом извлекает из них поэтические элементы и из этих свежих, существенных даров жизни строит свои поэтические здания, столь же существенные и истинные. Это направление мы считаем величайшею услугою, какую оказал Пушкин нашей литературе и образованности; оно-то и сделало его народным поэтом, потому что наш народный гений менее всего склонен к *априорическому*, а, напротив, полный жизни и самой здоровой логики, он любит жизнь, истину, простоту, любит подвизаться в области вещей, а не призраков. С этой точки зрения надобно смотреть на первые опыты Пушкина, как и на произведения его зрелых сил. Мы обещаем представить читателям „С<ына> о<течества>“ разбор его произведений именно с этой точки зрения, которая, кажется, у нас до сих пор была оставлена без внимания, несмотря на то что она едва ли не есть самая верная, хотя и не самая мирная» (Там же. С. 245–246).

²⁷ Цитата из лицейского стихотворения «Сон (Отрывок)» (1816), которое впервые опубликовано в Посмертном собрании сочинений (Т. 9. С. 301–309). Вопросительный знак в скобках поставлен автором рецензии, — по-видимому, этот стих вызвал у него сомнения.

²⁸ *Фра-Дьяволо* — герой-разбойник популярной комической оперы «Фра-Дьяволо» (1830; муз. Д. Ф. Э. Обера, либретто О. Э. Скриба); первая постановка в России — 14 января 1831 г. в Петербурге (рус. пер. Р. М. Зотова и А. Г. Ротчева). Через несколько лет Р. М. Зотов опубликовал собственный роман «Фра-Дьяволо, или Последние годы Венеции» (СПб., 1839. Ч. 1–4).

²⁹ *Карл Моор* — один из главных героев первой опубликованной и поставленной на сцене драмы Ф. Шиллера «Разбойники» («Die Räuber», 1781).

³⁰ Анна Радклиф (Radcliffe; 1764–1823) — английская писательница, автор «готических» романов, сюжет которых изобилует преступлениями, похищениями, заточениями, побегам, погонями и т. п.; главные герои, как правило, — чувствительная молодая девушка, подвергающаяся гонениям и домогательствам, ее благородный отважный возлюбленный, наемные убийцы, разбойники и др.

³¹ См. примеч. 13 к статье В. Г. Белинского «Начиная четвертый год своего существования, „Московский наблюдатель“...» — наст. изд., с. 541.

³² Ср. отзыв Шевырева, назвавшего «Историю села Горюхина» «едкой сатирой на внутреннюю пустоту нашей сельской жизни, на эту жалкую действительность без памятников и без прошедшего» (Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 263; наст. изд., с. 349).

³³ См. также отзывы Шевырева (Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 263–264; наст. изд., с. 350) и Белинского (МН. 1838. Ч. 16. Март, кн. 1. С. 155; наст. изд., с. 251).

³⁴ Противоположного мнения о «<Сценах из рыцарских времен>» придерживались Белинский (МН. 1838. Ч. 16. Март, кн. 1. С. 151–152; наст. изд., с. 249) и Шевырев (Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 264; наст. изд., с. 350).

³⁵ См. примеч. 17 к статье «Отзыв иностранца о Пушкине» — наст. изд., с. 554.

³⁶ Случайная ошибка автора: Посмертное издание первоначально состояло из восьми томов.

С. П. ШЕВЫРЕВ

«СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». ТОМЫ IX, X И XI

Москв. 1841. Ч. 5, № 9. С. 236–270.

Журнал «Москвитянин», начавший выходить в 1841 г., во многом продолжал направление «Московского вестника» и отчасти «Московского наблюдателя». Замысел журнала возник у М. П. Погодина и С. П. Шевырева еще в 1837 г., когда стало ясно, что, несмотря на свое активное участие в «Московском наблюдателе», они не определяют в полной мере его политику. Осуществление издания стало возможным после возвращения в 1840 г. Шевырева из-за границы. Журнал просуществовал 16 лет (1841–1856). Издателем его был М. П. Погодин, С. П. Шевырев заведовал критическим отделом.

Рецензия на последние тома Посмертного собрания сочинений Пушкина была для Шевырева исполнением давнего плана большой статьи, подводившей итоги пушкинского творчества. Еще в 1837 г. в рецензии на пятую, посмертную, книжку «Современника» он делал оговорки: «как мы в свое время постараемся доказать», «но об этом после» (МН. 1837. Ч. 12. Июнь, кн. 1. С. 316; наст. изд. с. 243) и т. д. Окончание настоящей статьи свидетельствует о том, что в планах Шевырева было еще более обширное и полное исследование, посвященное Пушкину, однако этот замысел он так и не осуществил. Во многом статья продолжает сказанное в рецензии 1837 г., особенно в той части, которая посвящена «Медному всаднику». Здесь повторяется важная для Шевырева мысль об «эскизованности» пушкинского творчества, понимаемой как отсутствие окончательного развития мысли, полного и однозначного решения поставленных вопросов. Однако в сравнении с рецензией на «Современник» здесь смягчен полемический оттенок по отношению к Пушкину, еще сохранившийся непосредственно после смерти поэта. «Эскизованность», воспринимавшаяся как недостаток, признак недоразвития пушкинского гения, становится особенностью его творчества (см. об этом: *Маймин Е. А.* А. С. Пушкин и С. П. Шевырев // *Res Philologica:*

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

П · У · Ш · К · И · Н

В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ

1834–1837

*Под общей редакцией
Е. О. Ларионовой*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008